

УДК 398

DOI: 10.28995/2658-5294-2026-9-3-160-189

Всероссийская конференция «Фольклор и биография»

Светлана К. Мамонова

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия, smamonova10@yandex.ru*

Дата поступления статьи: 9 апреля 2026 г.

Дата публикации: 26 сентября 2026 г.

Для цитирования: Мамонова С.К. Всероссийская конференция «Фольклор и биография» // Фольклор: структура, типология, семиотика. 2026. Т. 9. № 3. С. 160–189. DOI: 10.28995/2658-5294-2026-9-3-160-189

All-Russian Conference “Folklore and Biography”

Svetlana. K. Mamonova

*Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia, smamonova10@yandex.ru*

Received: April 9, 2026

Date of publication: September 26, 2026

For citation: Mamonova, S.K. (2026), “All-Russian Conference ‘Folklore and Biography’”, *Folklore: Structure, Typology, Semiotics*, vol. 9, no. 3, pp. 160–189, DOI: 10.28995/2658-5294-2026-9-3-160-189

С 19 по 21 ноября 2025 г. на кафедре фольклора филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова состоялась конференция «Фольклор и биография», посвященная проблемам взаимосвязи личности исполнителя, его индивидуальной судьбы

и фольклорного текста. Этот вопрос довольно давно находился в поле зрения исследователей (еще в публикациях П.Н. Рыбникова, А.Ф. Гильфердинга, Н.Е. Ончукова тексты былин, песен и сказок предварялись небольшими этнографическими заметками, содержащими сведения о биографии, особенностях характера, языке того человека, от которого они были записаны). Однако эта связь понималась односторонне, исключительно как влияние жизненных обстоятельств конкретного человека на тот набор жанров, которые имеются в его репертуаре, а также на тематику, образность и стиль самих текстов, которыми исполнитель владеет. Показательно в этом отношении предисловие братьев Соколовых к сборнику «Сказки Белозерского края», в котором они пытались показать, что сюжеты и образы сказок напрямую коррелируют с жизненным опытом сказочников: «Наряду с отражением характера сказочников, в сказках нередко можно найти отражение их профессии, специальных занятий, житейского опыта. Это скажется в подборе сказок, в характерных подробностях, в выборе слов и выражений.

У колдуна Павла и в сказке – колдун; у нищего Пешехонова в сказке будет фигурировать “беспашпортный” и “поличия”; у церковного сторожа в число действующих лиц введется церковный сторож, и сказки его будут касаться близко знакомого ему мира духовенства, “про попов”; у сказочников из солдат (Мозалев, Лазарев) – солдату, в свою очередь, отведется подобающее место в сказке, солдатчина скажется иногда в стиле, выражениях и содержании. Бывалость сказочника, знакомство с другими местами, особенно с городом, а то и с самой столицей, отразится существенно в сказке, в ее подробностях, подборе слов, в городских впечатлениях, часто наивно воспринятых»¹.

В последние десятилетия в фольклористике происходит отказ от редукционистского подхода к вопросу о соотношении фольклорного текста и биографии. Во многом этому способствовали достижения таких смежных дисциплин, как социология, социально-культурная антропология и психология, методы которых оказались вполне применимы и к фольклорному материалу. Исследования последних лет свидетельствуют: образность, символика, тематика и стилистика фольклорного текста не являются результатом лишь переосмысления носителем традиции фактов собственной биографии. Как показала в своих работах С.Б. Адоньева, фольклор является важным «социальным инструментом,

¹ Сказки Белозерского края / записали Б.М. и Ю.М. Соколовы; сост. и коммент. Л.В. Федоровой. Архангельск: Северо-Западное кн. изд-во, 1981. С. 28.

организующим поведение и биографию»², т. е. фольклорные образы и сюжеты выступают в роли предоставляемых культурой стереотипных форм, позволяющих канализировать различные возрастные, гендерные, социальные смыслы. При этом не только фольклорный текст может быть частью некоторого биографического нарратива, но и рассказы о личном индивидуальном или коллективном опыте могут быть подвержены фольклоризации, что наглядно продемонстрировала И.А. Разумова в монографии «Потаенное знание современной русской семьи. Быт. Фольклор. История» [Разумова 2001] на материале семейных преданий. Другой значимый аспект в исследовании этой темы – роль фольклорных механизмов при передаче индивидуального опыта. Как отмечал С.Ю. Неклюдов, при превращении в нарратив воспоминания о тех или иных событиях «проходят определенную обработку – в соответствии с ментальными моделями данной культуры» [Неклюдов 1998, с. 290]. Таким образом, они встраиваются в известный паттерн, за счет чего стереотипные элементы картины мира, присущие определенной культуре, помещаются в контекст биографии отдельного человека. Важную роль в изменении одностороннего понимания взаимосвязи фольклора и биографии сыграла концепция остенсии, предложенная Линдой Дэг, Эндрю Важони и Биллом Эллисом, согласно которой порождаемые определенной социальной группой фольклорные повествования оказывают влияние на нее саму: на основе широко распространяемых текстов люди могут конструировать историю прожитой ими жизни [Dégh, Vázsonyi 1983; Ellis 1989]. Двустороннее взаимовлияние фольклора и биографии было заявлено как центральная проблема для обсуждения в рамках конференции.

Несмотря на широкое разнообразие представленных на конференции докладов, можно выделить несколько ключевых тематических направлений. Так, в докладах *Никиты Викторовича Петрова* (РГГУ, ШАГИ РАНХиГС, Москва) и *Сергея Викторовича Алтатова* (МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва) поднимался вопрос о вычленении из спонтанных биографических нарративов устойчивых сюжетно-мотивных схем. Н.В. Петров в докладе «Остенсия как механизм конструирования биографии: сказочный сюжет ATU 859 в локальных нарративах Русского Севера» показал, каким образом традиционный сюжет сказки-анекдота становится частью семейного предания, а также выступает в качестве инструмента осмысления личной и локальной истории: если

² Адоньева С.Б. Сказка и биография // Фольклор и постфольклор: структура, типология, семиотика. URL: <https://www.ruthenia.ru/folklore/adonieva2.htm> (дата обращения: 25.02.2026).

в ранних фиксациях этого сюжета попытка бедного жениха выдать себя за богача оказывается неудачной, то в тех современных вариантах, которые рассматривал Н.В. Петров, герой успешно женится (девушка верит, что ее жених владеет торговыми лавками и мельницей, однако после свадьбы выясняется, что лавки – лишь предмет интерьера, а мельница – ручной жернов). Этот сюжет закрепляется за конкретными жителями деревень и становится способом демонстрации и поддержания символического авторитета: подобные повествования часто являются частью рассказа о находчивости предка, который с помощью собственной хитрости смог повысить свой социальный статус. Исследователь, анализируя этот сюжет, использовал понятие мнемонической остенсии, с помощью которого можно описывать те ситуации, когда люди связывают память о реально жившем человеке с некоторым традиционным сюжетом.

С.В. Алпатов в докладе «Ассоциативные связи спонтанных автобиографических воспоминаний как маркеры авантекста фольклорного повествования» также рассматривал вопрос о взаимосвязи личного опыта и устойчивых нарративных схем, выработанных европейской традицией. Ссылаясь на свои предшествующие работы, где сюжет ATU 1343* *The Children Play at Hog-Killing* (Дети играют в забой свиней) анализируется как механизм нарративизации «типичных эмоциональных реакций на катастрофу» [Алпатов 2020, с. 287], исследователь сопоставил многочисленные реализации этого сюжета с фрагментом спонтанного интервью, записанного в Исмаиллинском районе Азербайджана от местной жительницы-молоканки. Женщина рассказывала о пожаре, случившемся из-за неосторожной игры детей с огнем, в результате которого сгорел ее дом, и они с семьей были вынуждены переселиться в другое место. В ее повествовании, как и в сюжете ATU 1343*, мотив неосторожной детской игры, приведшей к катастрофе, соединяется с мотивом детской святости: после произошедшего женщине приснился сон, в котором она, по ее словам, видела Бога. Наличие сходных элементов между спонтанным биографическим повествованием и устойчивым фольклорным сюжетом привело исследователя к мысли о том, что стереотипия бытовых ситуаций и стереотипная реакция человеческой психики на них оказываются первичными по отношению к нарративным схемам и именно общность коммуникативных, аксиологических, когнитивных факторов, связанных с переживанием семейной трагедии, обуславливают сходство сюжетных повествований, в которые выкристаллизовываются личные рассказы о пережитой катастрофе.

Эти доклады сопровождалась дискуссией о том, каковы границы применения фольклористических методов к анализу тех

нарративов, которые не подходят под общепринятое понимание фольклорного текста, и почему одни сюжеты/мотивы в таких повествованиях интерпретируются как традиционные, а другие как индивидуальные, обусловленные обстоятельствами жизни конкретного рассказчика. *Михаил Лазаревич Лурье* (ЕУ СПб, Санкт-Петербург) высказал интересную точку зрения, что такой подход вызван главным образом ограниченностью фольклористов кругом сюжетов указателя АТУ, и для лучшего понимания специфики биографических нарративов более продуктивно было бы исходить из повторяющихся элементов (мотивов / сюжетов / образов / бытовых ситуаций) в корпусе аналогичных повествований, а не пытаться вычленивать из них традиционных сюжет, отбрасывая при этом все, что не представлено в указателях сюжетов и мотивов.

Другую тематическую группу докладов объединяет проблема места фольклора внутри биографических нарративов. *Юлия Михайловна Кувшинская* (НИУ ВШЭ, Москва) в докладе «История Михайловской часовни и чудотворного креста в судьбах их хранителей и разорителей: сюжеты, поступки, интерпретации» на материале, записанном в 2023–2024 гг. экспедицией ВШЭ в Макарьевском районе Костромской области, показала, каким образом локальный нарратив влияет на жизненные стратегии двух местных жительниц. В докладе рассматривались истории двух женщин: одна из них позиционировала себя как хранитель памяти о разрушенной в советское время деревенской святыне, другая же была дочерью председателя колхоза, которого районные власти заставили снести часовню. Разрушение часовни воспринимается обеими женщинами не просто как событие прошлого, но как важный эпизод собственной биографии: обе женщины соотносят свою жизнь с этой историей, однако интерпретируют ее по-разному. Первая из них приняла на себя, с одной стороны, функцию свидетеля прошлого, бережно сохраняющего память о почитаемом месте; с другой стороны, ей присуща функция своеобразного духовного лидера: к ней обращаются с просьбой о молитве, она молится на месте бывшей часовни, тем самым воспроизводя уже утратившуюся традицию. Другая женщина, дочь председателя колхоза, осмысляет постигшие ее в жизни несчастья как проклятие за грех, совершенный ее отцом, и свою задачу она видит в том, чтобы с помощью молитвы избавиться от Божественной кары. Таким образом, исследовательница продемонстрировала важный механизм, когда судьбы отдельных людей оказываются своеобразным продолжением локальной истории.

Доклад *Людмилы Витальевны Фадеевой* (ГИИ, Москва) «Рассказчик-мемуарист в диалоге с собирателем фольклора» также

был посвящен месту фольклорной традиции в биографическом нарративе конкретного человека. На примере Зинаиды Ивановны Широкой – жительницы деревни Шотогорка Пинежского района Архангельской области – исследовательница продемонстрировала, как стремление рассказчика-мемуариста выступить в качестве надежного свидетеля прошлого способствует передаче фольклорной традиции. Для рассказчика этого типа характерны такие особенности, как детализация повествования, обозначение внутренних мотивировок действующих лиц, оформление определенных элементов повествования с помощью традиционных фольклорных формул. Рассмотренные Л.В. Фадеевой фрагменты интервью с З.И. Широкой наглядно показали, что в речи отдельного человека фольклорная традиция может быть представлена на двух уровнях: на уровне общего неперсонализованного знания и на уровне личного опыта взаимодействия с традицией.

В нескольких из прозвучавших на конференции докладов фольклор предлагалось рассматривать как сложную проекцию жизненного опыта. В центре доклада *Юлии Юрьевны Мариничевой* (СПбГУ, Санкт-Петербург) «М.П. Дорожкина: сказка и биография» была судьба отдельной исполнительницы, с которой исследовательница беседовала в рамках фольклорно-этнографической экспедиции в 2009 г. Маврея Павловна Дорожкина – старейшая жительница деревни Селище Лешуконского района Архангельской области – запомнилась собирателям главным образом тем, что фольклорные тексты, которые она исполняла, воспринимались ею как часть собственной биографии: она пела только такие песни, которые позволяли ей вспомнить эпизоды из собственной жизни; для обозначения персонажей песен она использовала имена своих сыновей или покойного мужа. В докладе была подробно проанализирована записанная от Мавреи Павловны сказка «Баба Яга и девушка» (сюжет СУС 955: «Жених-разбойник сватает девушку; она попадает в дом к разбойникам, видит, как убивают другую девушку и бежит домой; уличает жениха по отрубленному пальцу или кольцу»)³. Этой сказкой исполнительница завершила рассказ о собственной свадьбе, что позволило исследовательнице увидеть в этом фольклорном тексте некоторые параллели с биографией собеседницы: в шестнадцать лет Маврею Павловну отправили одну работать на лесозаготовку, и там она с другими девушками была вынуждена жить в отдаленной избушке в лесу, где помимо них жили несколько незнакомых им мужчин.

³ С видеозаписью этой сказки можно ознакомиться на сайте: Российская повседневность. Электронный архив. URL: <https://daytodaydata.ru/unit/7208996> (дата обращения: 10.03.2026).

Как отметила докладчица, сходство предметных реалий в сказке и в жизни (избушка в лесу, в которой оказалась и героиня сказки, и шестнадцатилетняя Маврея Павловна), а также общий эмоциональный фон (исполнительница испытывала ужас от того, в каких условиях ей необходимо было жить во время работы на лесозаготовках; героиню сказки также охватывает страх при виде расчлененных человеческих тел) делает фольклорный текст особой формой саморефлексии, которая позволяет женщине воспроизводить в памяти наиболее драматичные события прошлого.

В докладе *Варвары Евгеньевны Добровольской* (РГУ им. А.Н. Косыгина, Москва) «Фольклорные мотивы в биографии русских сказочников: между реальностью и вымыслом» речь шла также о взаимодействии сказки и биографии: если в докладе Ю.Ю. Мариничевой акцент был сделан на включении сказки в контекст биографического нарратива, то В.Е. Добровольская в своем выступлении сосредоточилась главным образом на проблеме использования талантливыми сказочниками устойчивых фольклорных элементов для конструирования рассказа о собственной жизни. Докладчица выделила определенную типологию биографий сказочников. Дошедшие до современных исследователей биографии сказочников либо написаны собирателями, либо же созданы самими сказочниками или зафиксированы с их слов. Биографии, написанные собирателями, могут ограничиваться сухим перечислением наиболее значимых событий в жизни сказочника, а могут представлять собой развернутые описания, задача которых – продемонстрировать особенности личности сказочника. Как отметила исследовательница, биографии сказочников, созданные фольклористами, объединяет внимание к сказочному репертуару, а не к истории прожитой жизни, в то время как для самих сказочников важна не столько сказка, сколько их жизнь. При этом сказочные образы и мотивы могут становиться частью биографических нарративов. В.Е. Добровольская подробно рассмотрела биографию тверской сказочницы Анны Ивановны Ивановой: она рано осталось без матери, ее отец женился второй раз на женщине, у которой уже была дочь – ровесница Анны Ивановны. Свою мачеху и сводную сестру она наделяет стереотипным для сказки качествами: мачеха оказывается злой, жестокой и несправедливой, а сестра – глупой и завистливой. Однако рассказы соседей Анны Ивановны говорят об обратном: в действительности мачеха старалась относиться к падчерице как к родной дочери, а в конце жизни ушла жить к ней, потому что Анна Ивановна заботилась о ней гораздо лучше, чем собственная дочь.

Светлана Константиновна Мамонова (МГУ им. М.В. Ломоносова) в докладе «Абсурд как механизм конструирования био-

графии фольклорного персонажа» рассмотрела особую разновидность прозаических небылиц, которые имеют форму повествования от первого лица и строятся как рассказ о собственной жизни или об отдельном ее эпизоде. Тексты такого рода состоят из последовательного нанизывания друг на друга микросюжетов / мотивов, в которых описываются различные абсурдные ситуации, происшедшие с героем-рассказчиком. Как отметила докладчица, подобные микросюжеты не функционируют как самостоятельные единицы повествования, а являются частью абсурдной, комической «псевдобιοграфии». Повествование от первого лица, представленное в этих текстах, зачастую приводит к неразличению героя и рассказчика. Подобного рода соотнесенность, по мнению исследовательницы, является не столько художественным приемом, сколько элементом прагматики текста: небылица, построенная как перволичное повествование, выполняет функцию маски, которую человек может использовать для того, чтобы утвердить свое место в социуме и приобрести некоторого рода символический капитал.

Отдельные доклады были посвящены взаимодействию биографических фактов и жанров мифологической прозы. *Наталья Константиновна Козлова* (ОмГПУ, Омск) в докладе ««Это со мной было...» (фольклорный сюжет как факт личной биографии)» на материале записанных в Прииртышье сказок и быличек показала, что включение фольклорного сюжета в контекст повествования от первого лица является особым художественным приемом, который превращает сказку из отвлеченного повествования в способ коммуникации сказочника со слушателями. Прагматика сказок, построенных как повествование от первого лица, рассматривалась исследовательницей в отдельной статье [Козлова 2021], в докладе же речь шла главным образом о меморатах – мифологических рассказах, имеющих форму перволичного повествования. Н.К. Козлова предложила рассматривать повествование от первого лица в быличках как особый художественный прием, задача которого – эмоционально воздействовать на слушателя, чтобы закрепить в его сознании традиционные мифологические представления.

Наталья Андреевна Чеснова (МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва) в докладе «Фольклорные практики и их влияние на субъективное восприятие судьбы: кейс исследования обряда отворота (на примере истории М.М. Замышляевой)» рассмотрела сюжет о наведении порчи в контексте биографии информантки, с которой она беседовала в ходе экспедиции в 2023 г. В предыдущие годы от Марии Михайловны Замышляевой был записан рассказ о том, как одна знакомая угостила ее яблоком, после чего она возненавидела своего возлюбленного и рассталась с ним; в дальнейшем их жизнь не сложилась – сама женщина вышла замуж

за нелюбимого человека, а ее бывший возлюбленный умер от алкоголизма. Информантка связывает это с тем, что на нее навели порчу. Н.А. Чеснова показала, что включение этого сюжета в контекст биографического нарратива сопровождается его постоянной реактуализацией: так, недавнюю смерть сына от тяжелого заболевания женщина объясняет тем, что та знакомая, «отворожившая» ее от возлюбленного, «приворожила» ее к будущему мужу, от которого у нее родился умерший впоследствии сын.

Отдельно стоит отметить доклад *Дианы Эдуардовны Цховребовой* (НИУ ВШЭ, Москва) «Роль фольклорного жанра семейных преданий для национальной идентификации турецких осетин», в котором проблема взаимодействия фольклора и биографии рассматривалась в аспекте этнокультурных контактов. Докладчица выделила основные мотивы семейных преданий переселившихся в Турцию осетин, а также обозначила особенности прагматики этих текстов.

В значительном числе представленных на конференции докладов речь шла о фольклорных механизмах конструирования биографии реального исторического лица. *Светлана Юрьевна Королева* (ПГНИУ, Пермь) в докладе «Фольклорная биография Софьи Строгановой: от меценатки до привидения» на примере преданий о Софье Владимировне Строгановой (1775–1845) показала, какие факты в биографии исторического лица наиболее подвержены фольклоризации и каковы принципы их отбора и комбинации. Софья Строганова на протяжении двадцати восьми лет управляла доставшимся ей от покойного мужа имением и вошла в историю Пермского края благодаря социальным реформам, направленным на улучшение жизни местного населения. Ее широкая известность способствовала тому, что предания о ней бытуют не только на тех территориях, к которым она имела непосредственное отношение. В докладе исследовательница рассмотрела три сюжета, бытующие в селе Кува Коми-Пермяцкого округа Пермского края. Первый из них связан с лесопарком, который был заложен в конце XIX в. и впоследствии получил название «Софья» из-за того, что деревья там якобы высажены в форме этого имени. Поскольку высаживание деревьев в форме имени не зафиксировано как коммеморативная практика в XVIII–XIX вв., С.Ю. Королева предположила, что этот сюжет был перенесен в Куву переселенцами из поселка Билимбай, где располагался другой строгановский завод. Там было распространено предание о заводчике Демидове, который убил свою дочь, решившую сбежать с бедным гусаром, а на ее могиле посадил рощу в форме имени «Мария». Второй сюжет связан с беседкой, в которой Софья Строганова пила чай, когда приезжала на Кувинский завод. Как отметила докладчица,

Софья Строганова никогда не была в Куве, а сюжет в свою очередь мог возникнуть в связи с приездом другой представительницы знаменитой династии, фигура которой отождествилась с более известным в локальной традиции персонажем. Третий сюжет – о самоубийстве Софьи Строгановой и ее превращении в привидение – как отмечала исследовательница и в докладе, и в отдельной статье, посвященной этой теме [Королева, Маткасымова 2024], включает себя, с одной стороны, элементы детской страшилки, что отчасти объясняет его позднее формирование в 1980-х гг., а с другой стороны – более традиционные представления о нечистой силе и местах ее обитания. В качестве основной теоретической рамки С.Ю. Королева использовала концепцию изобретения традиции, предложенную Э. Хобсбаумом: через включение образа Софьи Строгановой в локальный нарратив жители Кувы пытаются выстроить некую историческую преемственность, которая через связь со Строгановыми и строгановскими заводами поддерживает их самоидентичность.

В докладе *Аркадия Хаимовича Гольденберга* (ВГСПУ, Волгоград) «Биография исторического лица в современном фольклоре» рассматривались механизмы мифологизации биографии золотоордынского баскака Чол-хана, который был направлен послом в Тверь и убит там же в 1327 г. в результате народного восстания против татаро-монгольских завоевателей. В исторических песнях гибель Щелкана связывается именно с событиями в Твери: «удалые братья Борисовичи» разрывают баскака на части из-за его алчности и жестокости. Однако в топонимических легендах, записанных на территории Волгоградской области, о которых непосредственно шла речь в докладе, предлагается иная трактовка смерти Щелкана: на территории Руднянского района Волгоградской области протекает река Щелкан; ее название в местной традиции оказывается связано с именем ордынского князя Чол-хана, утонувшего в этой реке вместе со своим войском. Как отметил докладчик, легенды и исторические песни сближает общая ироническая окраска, присущая описаниям смерти Щелкана: в текстах обоих типов он посрамлен и наказан за собственную самонадеянность. При этом песни и легенды оказываются противопоставлены на уровне историзма: по мнению исследователя, песни о Щелкане возникли как непосредственный отклик на тверское восстание 1327 г., в то время как топонимические легенды и предания являются результатом вторичной фольклоризации: песенный сюжет сначала трансформировался в летописную «Повесть о Шевкале», которая впоследствии вошла в разнообразные учебники, хрестоматии и популярную историческую литературу, что могло значительно повлиять на формирование легенды о реке Щелкан.

Мария Михайловна Артамонова (ГИИ, Москва) в докладе «Фольклорный образ Е.В. Честнякова: к постановке проблемы» рассмотрела основные мотивы фольклоризованной биографии кологривского художника, поэта, педагога Ефима Васильевича Честнякова. В рассказах о Честнякове, бытующих на территории Костромской области, исследовательница выделила две основные жанровые стратегии: первая из них реализуется в рассказах о святых местах, связанных с именем Честнякова, поскольку еще при жизни его начали почитать как праведника и провидца; вторая из них представлена в меморатах о самом Честнякове, в которых он может фигурировать как ученик Репина (некоторое время Честняков действительно работал в мастерской, возглавляемой И.Е. Репиным, но сведений об их непосредственном личном знакомстве пока не обнаружено) или как однокашник Ленина (сам Честняков говорил о том, что учился вместе с Лениным и называл его «Володькой», однако историческими данными это не подтверждается). Докладчица подчеркнула, что сам Честняков сыграл большую роль в фольклоризации собственной биографии, так как многие мотивы, ставшие частью более поздних рассказов о нем, были инспирированы им самим.

К теме фольклоризации биографии реального исторического лица примыкают доклады *Антонины Петровны Липатовой* (Центр развития и сохранения фольклора, Ульяновск) и *Елены Владимировны Воронцовой* (МГУ им. М.В. Ломоносова, ПСТГУ, Москва), посвященные народной агиографии. А.П. Липатова в докладе «Местночтимый святой: между биографией и житием» на материале рассказов о святых, почитаемых в Ульяновской области, рассмотрела, как в них соотносятся биографический и агиографический компоненты. Биографическая составляющая этих нарративов тяготеет к фактологической точности, документальности, в то время как агиографическая – к абстрагированию и идеализации. В докладе были проанализированы жития Леонтия Краснополянского, Максима Тияпинского и Василия Уреньского. Несмотря на то что эти подвижники не канонизированы, вокруг них сложилась довольно развитая традиция религиозного почитания, в рамках которой и функционируют их устные жития. В составленном исследовательницей корпусе народных житий этих святых обнаруживаются схожие типологические черты (как правило, они складываются из лишенной подробностей биографии и обширном описании прижизненных и посмертных чудес), однако в них по-разному соотносятся агиографическое и биографическое начала: если в народном цикле о Леонтии реализуется главным образом биографическая тенденция, то в циклах о Максиме Тияпинском и Василии Уреньском – агиографическая. Исследовательница

высказала предположение, что это может быть обусловлено удаленностью времени жизни святых от нашего времени (в основном они жили в конце XIX – начале XX в.), наличием или отсутствием письменных источников, в которых были бы зафиксированы факты биографии святых, а также деятельностью представителей церкви по сохранению памяти об этих святых.

В докладе Е.В. Воронцовой «Фольклорные элементы в биографии Федора Рыбалкина (по материалам полевых исследований)» речь шла о духовном лидере религиозного движения, возникшего в 1920-х гг. на юге Воронежской области и получившего по имени основателя название «федоровцы». Подробности реальной биографии Рыбалкина разнятся довольно сильно: по одним сведениям, он погиб в Первой мировой войне, однако по данным из архива политической истории, которые приводила докладчица, в 1926 г. Рыбалкин был сослан на Соловки за антисоветскую деятельность. Внутри самой общины считается, что сам Рыбалкин был убит на войне, однако в его образе явился сам Христос. В 2025 г. в ходе экспедиции археографической лаборатории МГУ им. М.В. Ломоносова в Воронежскую область было найдено несколько рукописей, в которых обнаруживается более подробная трактовка биографии Рыбалкина. Как показала исследовательница, народное житие Федора Рыбалкина, бытующее как в устной, так и в рукописной форме, аккумулирует множество библейских, агиографических и фольклорных мотивов: так, одна из информанток рассказывала, что Рыбалкин мог накормить кашей, сваренной в одном котелке, пять тысяч человек, что, с одной стороны, отчетливо перекликается с евангельским сюжетом о насыщении пятью хлебами; с другой стороны, замена хлебов на кашу может отсылать к фольклорному сюжету о горшке/мельнице, которые могли варить/молоть бесконечное количество каши/муки.

В качестве отдельного ответвления темы переосмысления биографии исторического лица стоит выделить доклады, в которых обсуждались механизмы конструирования биографических нарративов о жертвах Холокоста. В докладе Марии Владимировны Гавриловой (РГГУ, РАНХиГС, Москва) «“Житие” пионера-героя: фольклорные мотивы и медиаклише» рассматривался подробно изученный исследовательницей сюжет о гибели пионера-героя Муси Пинкензона (настоящее имя – Абрам Владимирович Пинкензон) [Гаврилова 2024; Гаврилова 2025]. Докладчица отметила, что, несмотря на большое количество научных исследований, посвященных детской литературе о пионерах-героях, история Муси Пинкензона интересна в том отношении, что на материале различных публикаций можно проследить то, каким образом она складывалась. Муся Пинкензон погиб во время массового расстрела

еврейского населения в станице Усть-Лабинской Краснодарского края. В газетных заметках, вышедших значительно позже этого события, сообщалось о том, что перед смертью Муся сыграл на скрипке «Интернационал»; впоследствии именно этот эпизод стал ключевым в его биографии. В качестве фольклорной составляющей истории Муси Пинкензона М.В. Гаврилова выделила сюжет о героической смерти под музыку, который в дальнейшем наполнялся различными идеологическими клише, заимствованными из детской литературы о пионерах-героях и в более поздних версиях – о жертвах Холокоста. Как отметила докладчица, образ Муси Пинкензона принципиально отличается от других пионеров-героев, поскольку память о нем отражается не только в публицистике, но и в устных воспоминаниях: юный скрипач, погибший от рук фашистов, является частью локальной истории Усть-Лабинской.

Тема памяти о жертвах Холокоста также обсуждалась в докладе *Екатерины Алексеевны Закревской* (ИСЛ РАН, Москва) «Фольклорные модели и устойчивые нарративные клише в автобиографических рассказах “поколения постпамяти”». В докладе анализировались рассказы, записанные на территориях, оккупированных фашистами в годы Великой Отечественной войны, от людей, которые в то время были детьми или подростками. Исследовательница отметила, что нарративы такого типа зачастую представляют собой не спонтанные воспоминания, а трансформированные сюжеты, с одной стороны, имеющие фольклорное происхождение, с другой стороны, заимствованные из медиа и массовой литературы. Одним из наиболее частотных мотивов, встречающихся в подобных рассказах, является мотив «добрых» немцев, который рассматривался исследовательницей как в докладе, так и в отдельной статье [Закревская 2024]. Использование поколением детей войны фольклорных и медийных заимствований в рассказах о прошлом Е.А. Закревская объяснила тем, что дети, наблюдая события военного времени, не всегда способны здраво их интерпретировать; кроме того, исследования в области детской психологии показывают, что в возрасте от 3 до 5 лет ребенок практически не способен хранить воспоминания в силу так называемой «детской амнезии», поэтому в рассказах уже взрослых людей о том времени, когда они были детьми, часто происходит дополнение собственных обрывочных воспоминаний извне или же приписывание себе чужих воспоминаний. При обсуждении доклада было отмечено, что включение различных клише в устные рассказы о войне может быть обусловлено не только несовершенством человеческой памяти, но и рядом других причин, к примеру, прагматикой самого рассказа.

В рамках конференции также обсуждался вопрос о взаимосвязи биографии и конкретных фольклорных жанров. В частности целая серия докладов была посвящена биографизму причитаний. *Татьяна Степановна Канева* (СГУ им. Питирима Сорокина, Сыктывкар) в докладе «Усть-цилемские воинские причитания: биографическое комментирование» продемонстрировала новый метод работы с опубликованными текстами причитаний, который позволяет устанавливать их адресатов. Основным материалом для доклада послужили причитания, записанные В.Г. Базановым и А.П. Разумовой в 1942 г. на Средней Печоре в районе Усть-Цильмы. Поскольку экспедиция под руководством Базанова проводилась в годы Великой Отечественной войны, ее участниками было записано большое количества плачей, исполнявшихся во время проводов на фронт или же после известия о гибели родственника. Некоторые из этих текстов содержат непосредственные обращения к родственникам, что позволяет исследователям, опираясь на генеалогические данные и на различные документы со сведениями об усть-цилемских фронтовиках, реконструировать личность адресата и отдельные подробности его биографии. В заключение исследовательница подчеркнула, что метод биографического комментирования открывает широкое поле для взаимодействия фольклористов, краеведов, исследователей локальной истории.

Доклады *Натальи Юрьевны Данченковой* (независимый исследователь, Москва) и *Марии Анатольевны Брюхановой* (ПГНИУ, ИСл РАН, Пермь) были посвящены проблеме отражения индивидуальных особенностей плакальщиц в похоронных причитаниях. Н.Ю. Данченкова в докладе «Личное самосознание, витальная память и саморефлексия плачей в традиционных среднерусских причитаниях» в рамках более широкого исследовательского ракурса, направленного на изучение мастерства плачей, на материале похоронных причитаний, записанных на территории современной Владимирской области, продемонстрировала, как проявляется личностное начало плакальщицы в используемых ею формулах и образах. Исследовательница отметила, что наиболее талантливые плачей способны складывать тексты причитаний, адаптированные к ситуации похорон и к личности конкретного человека. Плачи, записанные от исполнителей такого типа, зачастую содержат такие образы и выражения, которые являются результатом индивидуального переосмысления элементов традиционной фольклорной топики, а также различных современных реалий. По мнению докладчицы, включение в причитания личностных, биографических компонентов способствует удержанию этого жанра в традиции.

В докладе М.А. Брюхановой «Плач и судьба: жизненный опыт в похоронно-поминальных причитаниях Пермского края» рассматривались механизмы преломления биографических фактов в текстах причитаний. В качестве одного из ключевых мотивов в пермских похоронно-поминальных причитаниях исследовательница выделила мотив передачи «вестки-грамотки», когда плачущая, обращаясь к покойнику, просит его передать на тот свет какую-либо просьбу другому покойнику. Этот мотив реализуется как в самих причитаниях, причем, как было видно из приведенных примеров, в формальном отношении он довольно устойчив (плачущая просит покойника рассказать кому-то из умерших родственников, как ей тяжело живется), так и в комментариях самих исполнителей. Различные отсылки к конкретным жизненным обстоятельствам делают причитания не только средством выражения горя и утраты, но и способом коммуникации мира живых с миром мертвых.

Отдельная секция была посвящена биографическому компоненту в городском фольклоре. Василий Александрович Воробьев (НИУ ВШЭ, Москва) в докладе «Городская песня как биографический эпизод: сюжеты и мотивы» показал, как соотносятся эпизоды студенческих, шахтерских, тюремных песен с социальными и культурными реалиями конкретных сообществ. Исследователь выделил несколько песенных текстов, которые содержат в себе некоторые элементы биографизма (к примеру, в докладе рассматривалась тюремная песня о заключенном Ланцове, а также несколько песен о донецких шахтерах). В этих песнях биографизм проявляется главным образом в описании конкретных событий, происходящих с персонажами (побег из тюрьмы, обрушение шахты и т. п.). Такие эпизоды, в свою очередь, кристаллизуются и формируют мотивы, которые складываются в определенную последовательность, тем самым образуя целостный сюжет.

Докладчик предположил, что можно говорить о некоторой инвариантной структуре таких песен, которая состоит из начального биографического эпизода (к ним можно отнести побег заключенного из тюрьмы, провал студента на экзамене при поступлении в аспирантуру); далее следует некоторое описание повседневности героя (бежавший заключенный пытается выжить на свободе, студент ищет работу); завершает песню также биографический эпизод, являющийся логическим продолжением начального (заключенный умирает или же возвращается в тюрьму, студент со второй попытки успешно сдает экзамен). Доклад В.А. Воробьева вызвал довольно содержательное обсуждение, основные моменты которого касались вопроса о том, что можно отнести к биографичес-

ким элементам в городских песнях, а также о том, где возникает биография таких популярных героев городских песен, как Ланцов, разбойник Чуркин и т. п. Участники дискуссии сошлись во мнении, что не любое жизненное событие можно считать биографией, а биографии различных героев песен зачастую могут быть следствием некоторой наивной реконструкции, основанной главным образом на тексте самой песни, как это произошло, к примеру, в случае Чуркина.

В докладе *Анны Сергеевны Кулакиной* (НИУ ВШЭ, Москва) «Легенда о бывшем разбойнике Букале: генезис и развитие» уже на материале городской легенды о Святом озере, находящемся в Косино-Ухтомском районе Москвы, был поднят вопрос об искусственном конструировании биографии квазиисторического персонажа. Исследовательница продемонстрировала те изменения, которые претерпела легенда в устной и книжной традиции на протяжении довольно длительной истории бытования. Впервые образ разбойника Букала встречается в «Сказании о зачатии Москвы и Крутицкой епископии» XVII в.: в этом книжном памятнике говорится о том, что князь Даниил Иванович отправляется вместе с греком Василием на поиски места, где можно было бы основать город, и обнаруживает остров. На этом острове князю привиделся диковинный треглавый зверь. На этом же острове князь находит хижину отшельника Букала. Василий объясняет князю, что на найденном ими месте появится город.

До второй половины XIX в. сказание о Букале воспроизводится практически в неизменном виде, пока в 1868 г. писательница-беллетристка Екатерина Владимировна Новосильцева не публикует в детском журнале «Семейные вечера» «Сказание о старине да о том, кто вечно молит Пресвятую Богородицу за народ православный да за матушку Москву», где легенда о Букале наполняется новыми мотивами. Время действий, описываемых в легенде, относится к периоду междоусобных войн, а Бухал (как он называется в «Сказании» Новосильцевой) оказывается не просто отшельником, но разбойником, которого приютил благочестивый старец, живущий в бедной хижине. Бухал дает обет посвятить свою жизнь молитве, и однажды во сне ему является ангел, который говорит ему о том, что на месте хижины старца будет основана Москва. Бухал рассказывает о своем видении старцу, вместе они начинают молиться, после чего возведенная старцем церковь во имя Богородицы проваливается под землю, а на ее месте возникает озеро, впоследствии известное как Святое. В этой версии легенды образ Бухала и Святое озеро непосредственно связываются с селом Косино, и в дальнейшем, как было показано в докладе, этот сюжет уже в несколько преобразованном виде становится частью

локальной истории и локальной идентичности жителей Косино-Ухтомского района и прихожан Косинского храма.

Вера Александровна Крылова (независимый исследователь, Москва) в докладе «История бытования и вариативность песни «Чуйский тракт»» затронула поднимавшийся в докладе В.А. Воробьева вопрос о псевдобιοграфии героев популярных песен. Как показал проделанный докладчицей анализ вариантов, песня «Чуйский тракт» довольно устойчива в сюжетно-композиционном отношении: в ее основе – история трагической любви Кольки Снегирева и девушки Раи, двух шоферов, работавших на Чуйском тракте. Популярность этой песни способствовала поискам прототипов ее персонажей, что привело к возникновению рассказов о «реально существовавших» Кольке и Райке и об их дальнейшей судьбе. Важную роль в формировании подобных нарративов сыграли конкретные предметные реалии: так, по одной из версий, памятник Кольке Снегиреву поставила Рая, которая так и не смогла забыть своего возлюбленного. Судьба Раи, в свою очередь, оказывается продолжением трагического сюжета песни. Рассказы о ней складываются из двух основных мотивов: Рая обычно описывается как сильная и бесстрашная женщина, склонная к рискованным поступкам; другой ключевой мотив в псевдобιοграфических нарративах об этой героине – ее трагическая судьба: после катастрофы, случившейся с Колькой, она так и не смогла выйти замуж, но при этом работу шофером не бросила. Как отметила докладчица, такие «биографии» фольклорных персонажей можно рассматривать как одну из возможных форм бытования песенного сюжета.

На конференции вопрос о взаимосвязи фольклора и биографии обсуждался на материале не только устной, но и письменной традиции. Доклады *Андрея Борисовича Мороза* (НИУ ВШЭ, РГГУ, Москва), *Анны Александровны Ивановой* (МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва), *Марии Андреевны Трошило* (АНО «Проповский центр», Санкт-Петербург), *Надежды Александровны Курзиной* (АНО «Проповский центр», Санкт-Петербург), *Наталии Владиславовны Крижановской* (НИУ ВШЭ, Москва) объединяет проблема соотношения индивидуального и традиционного в мемуарах, рукописных сборниках и автобиографиях. А.Б. Мороз в докладе «Локальная традиция через призму биографии: рукопись И.М. Митягова “На память потомкам”» рассмотрел, как в автобиографии жителя д. Григорево (находится на территории современного Каргопольского района Архангельской области), переданной им в 1980-х гг. в Каргопольский музей, совмещаются личный опыт, советские идеологические клише и наивные этнографические описания. Задача сочинения Митягова вполне ясна из ее названия: он хотел оставить для потомков наиболее

подробное описание разных сторон деревенской жизни (быта, досуга, экономики и т. д.). Для этого Митягов использовал разные повествовательные стратегии, которые, как отметил докладчик, довольно плохо сочетались друг с другом, что делало текст не вполне однородным. А.Б. Мороз выделил несколько таких стратегий. Поскольку сам Митягов был сторонником коммунистических взглядов, в его сочинении довольно ярко выражено идеологическое начало: он отчетливо противопоставляет жизнь в деревне до революции и после, подчеркивая при этом, что во всех бедах крестьян были виноваты православная церковь и удельное ведомство. При этом отдельные фрагменты сочинения Митягова выдают его знание краеведческой литературы: так, в начале сочинения он дает точное описание географического положения деревни, а также делает некоторый экскурс в историю деревни начиная с XVII в. Отдельного внимания заслуживает мемуарная составляющая его автобиографии: зачастую именно в личных воспоминаниях Митягова непосредственно отражаются элементы локальной традиции. Метод, использованный А.Б. Морозом для анализа вполне частного документа, представляется достаточно продуктивным, поскольку позволяет, во-первых, выделять различные стилистические пласты, нарративные схемы и устанавливать их генезис; во-вторых, отличать заимствования из разных книжных источников от преломления актуальной традиции в индивидуальном сознании.

В докладе А.А. Ивановой «“Невольное детство” А.И. Глинкиной как биографический нарратив» также анализировались жанровые стратегии, реализуемые в автобиографическом произведении известной смоленской певицы Аграфены Ивановны Глинкиной. В сочинении Глинкиной А.А. Иванова выделила три основных компонента: биографический (непосредственные жизненные ситуации), авторский (интерпретация стоящих за текстом ситуаций) и фольклорный (привлечение текстов определенных жанров в качестве инструмента рефлексии). По мнению докладчицы, объединяющим началом для всех трех компонентов является «фольклорный сверхтекст», поскольку именно фольклор для Глинкиной являлся своеобразной реакцией на разные жизненные ситуации (так, когда она была еще девушкой, влюбленный в нее молодой человек, которого Глинкина отвергла, подарил ей кольцо; его она случайно потеряла; в «Невольном детстве» она описывает это так, что сразу после обнаруженной пропажи ей вспомнилась песня «Потеряла я колечко, потеряла я любовь»; с этой песней исполнительница мысленно полемизирует: «Вот я запела песню: “Потеряла я колечко, потеряла я любовь”. Но любви у меня ни к кому не было, и особенно к Блинову. “Я по этому колечку буду

плакать день и ночь”. И тут же себе говорю: “Нет, я не буду плакать. И зачем? Это все – ерунда”»⁴; в то же время с помощью текстов различных фольклорных жанров, которые Глинкина как автор включает в свое повествование, оформляются переживания рассказчицы. Здесь закономерно возник вопрос, озвученный в ходе обсуждения, являются ли песни, частушки, поговорки, используемые Глинкиной в автобиографии, лишь «иллюстративным материалом» для ее жизненного опыта, или же сама певица постфактум подстраивала факты собственной биографии под известные ей сюжетные схемы, заимствованные из фольклора.

Надежда Александровна Курзина (АНО «Проповский центр», Санкт-Петербург) в докладе «“Моя песня”: выбор фольклорного сюжета для представления своей биографии» также обратилась к проблеме включения фольклорного текста в письменное автобиографическое повествование. На примере автобиографии жительницы д. Совполье Мезенского района Маргариты Ивановны Доможировой (1938–2024 гг.), исследовательница продемонстрировала то, каким образом песенный текст может становиться своеобразным шаблоном для повествования о собственной жизни. Среди многочисленных песен, записанных от М.И. Доможировой, сама информантка особенно выделяет песни «Во саду при долине», «Шел мальчишка бережком» и «Не велят Дуне за реченьку ходит» как наиболее значимые для нее, поскольку в них Маргарита Ивановна видела отражение собственной биографии.

Все три песни объединяет тема сиротства и несчастной доли, которая крайне важна для информантки: как она пишет в автобиографии, ее отец был репрессирован в 1938 г. и скончался в тюрьме, мать была вынуждена одна воспитывать троих детей; имея статус семьи врага народа, мать, братья и сестры М.И. Доможировой и она сама постоянно сталкивались с пренебрежительным отношением со стороны окружающих. Сама Маргарита Ивановна в интервью указывала на пересечения между событиями собственной жизни, жизни своих родителей и сюжетами песен: так, себя она соотносила с образом сироты из песни «Во саду при долине», в то время как мотив неизвестной могилы из этой же песни в ее восприятии отождествлялся с отцом, поскольку ей так и не удалось узнать место его захоронения. Подобное преломление фольклора в контексте индивидуальной биографии исследовательница предложила рассматривать в рамках предложенной С.Б. Адоньевой и Л. Олсон концепции культурных сценариев и культурных сюжетов.

⁴ Глинкина А.И. Невольное детство: воспоминания / под ред. и со вступ. ст. В.М. Щурова. М.: Луч, 2007. С. 59.

Мария Андреевна Троцило (АНО «Пропповский центр», Санкт-Петербург) в докладе «Пинежский рукописный сборник заговоров: к вопросу о биографии составителя» показала, каким образом, опираясь на тексты в рукописном сборнике заговоров, можно попытаться реконструировать фрагменты биографии его составителя. В 2024 г. жительница деревни Пиринемь Пинежского района Архангельской области передала участникам совместной фольклорной экспедиции СПбГУ и «Пропповского центра» рукописный сборник заговоров, принадлежащий бабушке своего мужа, Анне Александровне Житовой. Этот сборник содержал большое количество лечебных заговоров, однако о форме бытования этих текстов и характере их исполнения практически ничего не было известно. Со слов родственников биография Анны Александровны известна лишь в общих чертах, однако в интервью с жительницей д. Чакола, находящейся по соседству с Пиринемью, выяснилось, что Анна Александровна в округе считалась «знающей» и к ней часто обращались за помощью в лечении детей, – это объясняет наличие в сборнике большого количества именно детских лечебных заговоров. Кроме того, информантка указала на то, что А.А. Житова ходила в повойнике. По мнению докладчицы, эта деталь может свидетельствовать о принадлежности составительницы рукописного сборника к старообрядцам. В докладе было убедительно продемонстрировано, что заговорные тексты, бытующие в рукописном виде, неразрывно связаны с устной традицией; именно устная традиция дает полноценный контекст бытования заговоров и только исходя из нее можно реконструировать социальные роли и практики, которые всегда важны для функционирования магических текстов различных типов.

Доклад *Наталии Владиславовны Крижанивской* (НИУ ВШЭ, Москва) «*Imitatio sancta* Серафима Святогорца через призму стихотворения о свт. Спиридоне Тримифунтском» был посвящен интересному случаю переплетения личной биографии, литературного текста и фольклорного сюжета. В составе рукописного сборника, обнаруженного участниками экспедиции НИУ ВШЭ в Костромской области, был найден стихотворный текст «Чудо св. Спиридона Тримифунтского», авторство которого принадлежит Серафиму Святогорцу (в миру – Семен Авдиевич Веснин <1814–1853>). Исследовательница обратила внимание на большое количество параллелей между биографией автора этого стихотворения и житием Спиридона Тримифунтского: Серафим Святогорец был воспитан в благочестивой семье, женился, принял сан, однако в скором времени его жена и дочь умерли, что сподвигло его стать монахом и много путешествовать по святым местам (он был на Афоне, в Палестине, в Греции). Аналогичные эпизоды обнаружи-

ваются и в канонических агиографических текстах о Спиридоне Тримифунтском. Наличие подобных совпадений могло привести к тому, что Серафим Святогорец так или иначе ассоциировал свою биографию с житием святого, именно поэтому он выбирает этот агиографический сюжет в качестве основы для своего произведения. Однако стихотворение Серафима Святогорца содержит мотив, отсутствующий в каноническом житии Спиридона Тримифунтского, а именно чудо о пестрых лошадях: когда во время поездки на Никейский собор святой остановился на ночлег, ариане, которые находились в той же деревне, отрубили головы его коням. Обнаружив растерзанных животных, св. Спиридон попросил слугу приставить им головы обратно; слуга перепутал масти лошадей, поэтому, когда они ожили по молитве святого, голова и тело у них оказались разных цветов. Этот сюжет вполне устойчив в греческой устной традиции, и, как предположила Н.В. Крижанивская, был вполне сознательно заимствован Серафимом Святогорцем. Вхождению этого текста в русские рукописные сборники во многом способствовало наличие в устной традиции легенд и сказок религиозного содержания с похожим сюжетом, где вместо Спиридона Тримифунтского выступает, как правило, Николай Чудотворец, а на месте ариан оказывается черт.

В дополнение к собственно фольклористической проблематике на конференции прозвучало несколько докладов по различным аспектам истории фольклористики: о биографиях собирателей и публикаторов фольклора, а также о методологии работы фольклористов с биографиями информантов. Доклад *Андрея Львовича Топоркова* (ИМЛИ РАН, Москва) «Неизвестные и малоизвестные эпизоды из жизни И.П. Сахарова (1807–1863)» является продолжением довольно подробно изученной исследователем темы фольклорных мистификаций Ивана Петровича Сахарова [Топорков 2020; Топорков 2021; Топорков 2022; Топорков 2023]. Работа с труднодоступными архивными материалами позволила исследователю воссоздать его биографию со значительной полнотой и прояснить его деятельность как предпринимателя, журналиста и библиографа. Так, из последних публикаций стало известно, что в 1856 г. Сахаров приобрел усадьбу в окрестностях Валдая, где прожил до конца жизни. При этом незадолго до смерти Сахаров женился на крестьянке Федосье Васильевой, от которой у него родилось двое сыновей, старший Сергей и младший Николай, не проживший и года. В докладе была рассмотрена не только личная, но и научная сторона жизни Сахарова. Большое внимание, в частности, было уделено анализу его переписки с М.П. Погодиным в 1837 г., в которой речь шла о подготовке к изданию второй части «Сказаний русского народа». Эти письма проливают свет

на ту причину, которая заставляла Сахарова прибегать к различного рода мистификациям: в одном из писем Погодин упрекает его в чересчур свободном обращении с источником, что, по мнению историка, превращает «Сказания» из исторического сочинения в беллетристику. На это обвинение Сахаров возражает, что он опасается притеснений со стороны Синода, который к тому моменту уже, по словам ученого, заставил его внести значительные изменения в первую часть «Сказаний». В докладе А.Л. Топоркова было наглядно продемонстрировано, что мистификации Сахарова обусловлены различными политическими, социальными, экономическими обстоятельствами. Это, в свою очередь, исключает возможность восприятия его сочинений как аутентичного источника.

В докладе *Василия Александровича Ковпика* (МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва) «Заметки к фольклористической биографии И.М. Снегирева (1793–1868)» особое внимание было уделено спорным аспектам оценки трудов Ивана Михайловича Снегирева в области русского фольклора. Как отметил докладчик, судьба Снегирева в истории отечественной фольклористики довольно неоднозначна: младшие современники ученого, такие как, например, А.Н. Пыпин, стремились вынести его труды за рамки науки, поскольку считали, что его исследования, во-первых, идеологически ангажированы (Снегирев действительно придерживался довольно консервативных взглядов, что давало основание причислять его к сторонникам идеи официальной народности); во-вторых, изначально его интересы были сосредоточены в области изучения латинского языка, а не истории, этнографии и фольклора. В.А. Ковпик показал, что если вынести за скобки идеологический компонент этой полемики, то станет понятно, что труды Снегирева во многом заложили основы будущей науки о фольклоре. Так, его работы «Русские в своих пословицах» (1831), «Русские народные пословицы и притчи» (1848) положили начало систематическому изучению паремий, а его издание «Лубочные картинки русского народа в московском мире» ввело в научный оборот те произведения, которые до этого не считались достойным материалом для этнографических и фольклористических исследований. В заключение докладчик сделал вывод о том, что Снегирев в большей степени стал жертвой идеологических противостояний своей эпохи. Это привело к тому, что его труды были недооценены, а «реабилитация» самого ученого произошла только в XX в., когда М.К. Азадовский в «Истории русской фольклористики» выделил их как особо значимые и опережающие свое время.

В докладе *Оксаны Федоровны Ежовой* (Архив РАН, Москва) «Фрагмент биографии автора в одном научном докладе о философии буддизма как фольклорный текст» рассматривался случай,

когда модель фольклорного нарратива стала основой для построения научного текста. В Архиве РАН исследовательницей был обнаружен машинописный доклад бурятского ученого, кандидата философских наук, а впоследствии директора Института культуры Бурятии П.И. Хадалова «Задачи изучения буддизма и вопросы научно-атеистической пропаганды», сделанный автором 3 ноября 1962 г. на сессии научных институтов г. Улан-Удэ, посвященной итогам XXI съезда КПСС. Значительный фрагмент документа составляет рассказ автора о том, как он взаимодействовал с известными учеными и государственными деятелями по интересовавшим его вопросам. В структуре этого текста О.Ф. Ежова выделила обороты, свойственные традиционному фольклорному или стилизованному под него литературному повествованию. Докладчица сопоставила автора документа с героем волшебной сказки: на своем пути он сталкивается с различными препятствиями, ему помогают преодолевать их «волшебные помощники», в роли которых выступают министры и академики.

Финал доклада также соответствует логике сказочного повествования: герой достигает своей цели – все вышестоящие персоны одобряют его ходатайство. Исследовательница сделала вывод о том, что этот доклад можно рассматривать, с одной стороны, как документ определенной эпохи, поскольку Хадалов в нем пытается легитимизировать необходимость изучения буддизма под предлогом борьбы с ламаистской пропагандой; с другой стороны – как пример фольклоризованной биографии. Выступление О.Ф. Ежовой вызвало довольно оживленное обсуждение, касающееся главным образом вопроса о том, что могло повлиять на структуру доклада Хадалова. *Елена Викторовна Миненок* (ИМЛИ РАН, Москва) высказала предположение, что используемая Хадаловым нарративная схема восходит не столько к волшебной сказке, сколько к рассказам о камланиях: они также строятся как последовательное перечисление духов, к которым шаман обращается с определенной просьбой. Участники дискуссии согласились, что влияние на Хадалова шаманской традиции куда более вероятно, чем сказочной, поскольку он долгое время жил и работал в различных районах Бурят-Монгольской АССР, где шаманские практики были распространены повсеместно. Кажется, здесь более уместно говорить о типологическом сходстве этих текстов, нежели о непосредственной генетической преемственности: как показала Е.С. Новик, волшебная сказка, шаманские камлания и рассказы о них имеют схожую структуру [Новик 2004]. Это заставляет предположить, что выделенная Пропном логика построения сказочного текста способна реализовываться в любых повествовательных формах.

Доклад *Михаила Лазаревича Лурье* (ЕУ СПб, Санкт-Петербург) «Биографии уличных певцов в сборнике А.М. Астаховой: идеологические и методологические контексты» продолжает давно изучаемую исследователем тему истории, специфики, текстологии невышедшего сборника А.М. Астаховой «Песни уличных певцов» [Лурье 2011; Комелина, Лурье, Подрезова 2013]. Основной вопрос, который обсуждался в докладе: с какой целью Астахова, помимо собственно текстов песен, включает в сборник подробные биографии певцов, представлявшие собой нечто промежуточное между полевым дневником и этнографическими очерками. М.Л. Лурье выделил три основных причины. Первая из них – идеологическая: в предисловии к сборнику Астахова в духе советской официальной риторики писала о необходимости «уяснения вопросов <социального порядка, связанных с темой> классовой сущности современной уличной песни», пытаясь тем самым легитимизировать статус публикуемых ею текстов как объекта фольклористического изучения. Вторая причина – методологическая. В сборнике уличные певцы представлены как некоторые этнографические типы: Астахова подробно описывала их репертуар, характер исполнительской манеры, бытовые условия, уровень образования и т. п. Как предположил докладчик, такой подход к характеристике исполнителей мог сложиться под влиянием исследовательской традиции. Включая в сборник биографии певцов, Астахова, вероятно, опиралась на публикации П.Н. Рыбникова, Н.Е. Ончукова, Б.М. и Ю.М. Соколовых. В этих изданиях краткий биографический очерк предваряет фольклорные тексты и тем самым создает более глубокий контекст. Третья причина, отчасти связанная со второй, – теоретическая. Астахова хотела представить уличных певцов как субъектов творчества, жизненный и литературный опыт которых определяет их поэтическую специализацию. Подобное стремление, по мнению докладчика, могло быть обусловлено методологическим разворотом советской фольклористики в сторону литературоведения, когда исполнитель фольклорного текста по своим функциям рассматривался наравне с автором художественного произведения. Таким образом, биографии уличных певцов в сборнике Астаховой не только проливали свет на классовую сущность городской песни, но и отражали некоторые влиятельные тренды в науке того времени.

Доклад *Льва Аркадьевича Трахтенберга* (МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва) «Фольклор и путь солдата в воспоминаниях Л.Н. Пушкирева» посвящен вопросу о месте собирания фольклора в биографии ученого. Лев Никитич Пушкирев (1918–2019) – известный советский историк, в годы Великой Отечественной войны ушел на фронт добровольцем. На протяжении

всей службы он записывал армейский фольклор, который позднее опубликовал в книге «По дорогам войны. Воспоминания фольклориста-фронтовика». Эта работа интересна тем, что она объединяет в себе, с одной стороны, мемуарное начало, а с другой – научное, этнографическое. Основное содержание доклада было посвящено не столько специфике материала, представленного в этой книге, сколько той роли, которую сыграл фольклор в жизни Пушкирева. Л.Н. Пушкирев был учеником В.И. Чичерова, благодаря которому он увлекся фольклором. С момента учебы в университете Пушкирев мечтал быть ученым, но война и необходимость последующей службы в армии серьезно мешали его планам. По мнению докладчика, собирание фронтового фольклора было попыткой Пушкирева сохранить себя тем, кем он надеялся стать после войны, и во многом ему это удалось: в 1948 г. он досрочно защитил кандидатскую диссертацию по древнерусской «Повести о Еруслане Лазаревиче», а в 1969 г. стал доктором исторических наук.

В отдельный блок стоит выделить доклады с литературоведческой проблематикой. *Алексей Аркадьевич Пауткин* (МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва) в докладе «Древнерусский интеллектуал без биографии» рассмотрел попытки историков и исследователей древнерусской литературы реконструировать биографию Даниила Заточника – автора известного «Слова», или «Моления», сведений о котором практически не сохранилось. Основываясь на упоминаниях в «Слове» Даниила Заточника реалиях, а также на особенностях его стилистики, ученые в разное время выдвигали различные гипотезы о происхождении и профессиональной принадлежности его автора: одни предполагали, что он был членом княжеской дружины, другие – холопом или ремесленником, третьи называли его княжеским скоморохом. Проделанный докладчиком анализ показал, что причисление Даниила Заточника к тому или иному сословию обусловлено не столько спецификой образности и стилистики текста, сколько идеологической ориентацией конкретного ученого. А.А. Пауткин обратил внимание, что вне поля зрения советских медиевистов оставались библейские реминисценции и евангельские цитаты в «Слове». Исследователь отметил, что Даниил Заточник довольно свободно использует их в своем сочинении, что может дать основание считать автора «Слова» представителем духовенства.

Юлия Ивановна Семина (СПбГУ, Санкт-Петербург) в докладе «Сюжеты донских казачьих песен в биографиях персонажей Ф.Д. Крюкова» рассмотрела механизмы включения фольклорных текстов в литературные произведения, а также особенности их авторской интерпретации. Использование цитат из тради-

ционных казачьих песен в произведениях Крюкова рассматривалось исследовательницей как своеобразный художественный прием, позволяющий автору, с одной стороны, отражать внутреннее состояние персонажа, а с другой – делать намек читателю на дальнейшее развитие сюжета.

Биографическому мифу в восприятии творчества Юлии Валериановны Жадовской (1824–1883) был посвящен доклад *Екатерины Васильевны Зеневич* (ИТПЭ РАН, Москва) «Лирическая героиня и реальная биография Ю.В. Жадовской: художественная рецепция жизни и творчества». Первые биографы Жадовской описывали ее жизнь как череду нескончаемых страданий: она родилась с физическим недостатком, рано лишилась матери, в юности пережила несчастную любовь, страдала от деспотизма отца, поздно и без любви и вышла замуж за овдовевшего соседа – доктора, у которого на руках осталось пятеро детей. Исследовательница отметила, что акцент на невыносимо тяжелой судьбе талантливой русской дворянки значительно исказил представление о масштабах ее личности, сузив его до нескольких безусловно значимых, но не единственных событий в ее жизни. Как было показано в докладе, формирование подобной мифологизированной биографии было обусловлено, с одной стороны, неразличением реальной личности поэтессы и созданного ею художественного образа; с другой стороны, стереотипов эпохи романтизма о женской пассивности и жертвенности.

В докладе *Татьяны Аркадьевны Золотовой* (МарГУ, Йошкар-Ола) и *Андрея Владимировича Шурыгина* (ГБУК «Национальный музей Республики Марий Эл им. Т. Евсеева») «Профессиональная биография как форма саморепрезентации сетевого поэта: опыт Поволжья» рассматривалась специфика формирования литературной идентичности в цифровой среде. На основе интервью с поэтами из Марий Эл, Чувашии и Татарстана, публикующими свои произведения на портале «Стихи.ру», исследователи выявили несколько основных стратегий, с помощью которых осуществляется самопозиционирование поэта в интернет-пространстве, и продемонстрировали, что биография сетевого автора является гибридной формой, соединяющей элементы культурной памяти, самопрезентации и цифровой идентичности. Подобная форма отражает процессы адаптации литератора к условиям новой медиареальности.

Программа конференции и видеозаписи докладов доступны для ознакомления⁵. Кафедра фольклора филологического

⁵ ФиБ_записи – Яндекс Диск. URL: <https://disk.yandex.ru/d/Wbt2Q7EFBu7PqQ> (дата обращения: 25.02.2026).

факультета МГУ им. М.В. Ломоносова благодарит всех участников конференции, желает им успехов в дальнейших научных изысканиях и надеется на дальнейшее плодотворное сотрудничество.

Сокращения

- СУС – Сравнительный указатель сюжетов: Восточнославянская сказка / сост. Л.Г. Бараг, И.П. Березовский, К.П. Кабашников, Н.В. Новиков. Л.: Наука, 1979. 437 с.
- ATU – *Uther H.J.* The types of international folktales. A classification and bibliography. Parts 1–3. Suomalainen Tiedekatemia: Academia Scientiarum Fennica, Helsinki, 2004.

Литература

- Алпатов 2020 – *Алпатов С.В.* «Мысль семейная» в фольклорных нарративах на сюжет ATU 1343* The Children Play at Hog-Killing // Семья и семейные ценности в славянской и еврейской культурной традиции / отв. ред. О.В. Белова. М.: Ин-т славяноведения РАН, 2020. С. 273–299. (Культура славян и культура евреев: диалог, сходства, различия)
- Гаврилова 2024 – *Гаврилова М.В.* Память о Мусе Пинкензоне: между наивной литературой, фольклором и ложными воспоминаниями // Шаги/Steps. 2024. Т. 10. № 3. С. 58–84.
- Гаврилова 2025 – *Гаврилова М.В.* «Пионера враги расстреляли, но той песни убить не смогли»: гордость и скорбь в наивной поэзии о Мусе Пинкензоне // Фольклор: структура, типология, семиотика. 2025. Т. 8. № 4. С. 99–129.
- Закревская 2024 – *Закревская Е. А.* Сюжеты о добрых и «культурных» немцах в устных рассказах об оккупации // Концепт границы в славянской и еврейской культурной традиции: Сб. научных трудов / отв. ред. О.В. Белова. М.: Ин-т славяноведения РАН, 2024. С. 463–489. (Культура славян и культура евреев: диалог, сходства, различия)
- Козлова 2021 – *Козлова Н.К.* «Как я почту в войну носил...» (всегда ли условны сказочные пространства и время?) // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2021. № 2 (42). С. 75–82.
- Комелина, Лурье, Подрезова 2013 – *Комелина Н.Г., Лурье М.Л., Подрезова С.В.* Песни уличного певца Владимира Егорова в фонографической записи А. М. Астаховой // Антропологический форум. 2013. № S19. С. 233–328. URL: <https://anthropologie.kunstkamera.ru/files/>

- pdf/019online/komelina_lurie_podrezova_links.pdf (дата обращения: 05.04.2026).
- Королева, Маткасымова 2024 – *Королева С.Ю., Маткасымова Д.М.* Об одном персонаже (не)детской демонологии: привидение графини // Живая старина. 2024. № 4. С. 8–11.
- Лурье 2011 – *Лурье М.Л.* Творцы, певцы и продавцы городских песен (по материалам невышедшего сборника А.М. Астаховой) // Живая старина. 2011. № 1. С. 2–6.
- Неклюдов 1998 – *Неклюдов С.Ю.* Исторический нарратив: между «реальной действительностью» и фольклорно-мифологической схемой // Мифология и повседневность: Материалы научной конференции 18–20 февраля 1998 г. / сост. К.А. Богданов, А.А. Панченко. Вып. 1. СПб.: Ин-т русской литературы РАН, 1998. С. 288–292.
- Новик 2004 – *Новик Е.С.* Обряд и фольклор в сибирском шаманизме: Опыт сопоставления структур. М.: Восточная литература, 2004. 304 с.
- Разумова 2001 – *Разумова И.А.* Потаенное знание современной русской семьи: Быт. Фольклор. История. М.: Индрик, 2001. 376 с.
- Топорков 2020 – *Топорков А.Л.* Фольклорные стилизации И.П. Сахарова в статье А.А. Блока «Поэзия заговоров и заклинаний» // Русская литература. 2020. № 4. С. 65–81.
- Топорков 2021 – *Топорков А.Л.* История одного обрядового текста, опубликованного Иваном Сахаровым // *Studia Litterarum*. 2021. Т. 6. № 4. С. 372–399.
- Топорков 2022 – *Топорков А.Л.* Опыт прочтения одного «парафольклорного» текста из «Сказаний русского народа» И.П. Сахарова // *Studia Litterarum*. 2022. Т. 7. № 3. С. 298–321.
- Топорков 2023 – *Топорков А.Л.* Мифическая «рукопись Бельского» – мистификация И.П. Сахарова // Мистификация в славянской культуре: поэтика и практики / отв. ред. Н.В. Злыднева. М.: Ин-т славяноведения РАН, 2023. С. 277–298.
- Dégh, Vázsonyi 1983 – *Dégh L., Vázsonyi A.* Does the word “Dog” bite? Ostensive action: A means of legend // *Journal of Folklore Research*. 1983. Vol. 20. No. 1. P. 5–34.
- Ellis 1989 – *Ellis B.* Death by folklore: Ostension, contemporary legend, and murder // *Western Folklore*. 1989. Vol. 48. No. 3. P. 201–220.

References

- Alpatov, S.V. (2020), “‘Family thought’ in folklore narratives on the plot ATU 1343* The Children Play at Hog-Killing”, in Belova, O.V., ed., *Sem'ya i semeinye tsennosti v slavyanskoj i evrejskoj kul'turnoi traditsii* [Family and family values in the Slavic and Jewish cultural traditions], Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

- Gavrilova, M.V. (2024), "Remembering Musya Pinkenzon: Between naïve literature, folklore and false memories", *Shagi/Steps*, vol. 10, no. 3, pp. 58–84.
- Gavrilova, M.V. (2025), "The enemies shot the pioneer, but they could not kill his song": pride and sorrow in naïve poetry about Musa Pinkenzon", *Folklore: Structure, Typology, Semiotics*, vol. 8, no. 4, pp. 99–129.
- Dégh, L. and Vázsonyi, A. (1983), "Does the word 'dog' bite? Ostensive action: A means of legend", *Journal of Folklore Research*, vol. 20, no. 1, pp. 5–34.
- Ellis, B. (1989), "Death by folklore: Ostension, contemporary legend, and murder", *Western Folklore*, vol. 48, no. 3, pp. 201–220.
- Komelina, N.G., Lurie, M.L. and Podrezova, S.V. (2013), "Songs of street singer Vladimir Egorov in the phonographic recording by A.M. Astakhova", *Antropologicheskii forum*, no. S19, pp. 233–328, available at: https://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/019online/komelina_lurie_podrezova_links.pdf (Accessed 5 Apr. 2026).
- Koroleva, S.Yu. and Matkasymova, D.M. (2024), "About one character of (non)children's demonology: the ghost of a countess", *Zhivaya starina*, no. 4, pp. 8–11.
- Kozlova, N.K. (2021), "'How I carried the mail during the war...' (Are space and time in a fairy tale always unreal?)", *Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia*, vol. 42, no. 2, pp. 75–82.
- Lurie, M.L. (2011), "Creators, singers and sellers of urban songs (based on the materials of A.M. Astakhova's unpublished collection)", *Zhivaya starina*, no. 1, pp. 2–6.
- Neklyudov, S.Yu. (1998), "Historical narrative: between 'real reality' and folklore-mythological scheme", in Bogdanov, K.A. and Panchenko, A.A., eds., *Mifologiya i povsednevnost': Materialy nauchnoi konferentsii 18–20 fevralya 1998 g.* [Mythology and everyday life. Proceedings of the scientific conference 18–20 Feb. 1998], Institut russkoi literatury RAN., Saint Petersburg, Russia, pp. 288–292.
- Novik, E.S. (2004), *Obryad i fol'klor v sibirskom shamanizme: Opyt sopostavleniya struktur* [Ritual and folklore in Siberian shamanism: An experience of comparing structures], Vostochnaya literatura, Moscow, Russia.
- Razumova, I.A. (2001), *Potaennoe znanie sovremennoi russkoi sem'i: Byt. Fol'klor. Istoriya* [Hidden knowledge of the modern Russian family. Daily life. Folklore. History], Indrik, Moscow, Russia.
- Toporkov, A.L. (2020), "I.P. Sakharov's folklore stylizations in A.A. Blok's essay 'The poetry of charms and spells'", *Russkaya literatura*, no. 4, pp. 65–81.
- Toporkov, A.L. (2021), "The history of a ritual text published by Ivan Sakharov", *Studia Litterarum*, vol. 6, no. 4, pp. 372–399.
- Toporkov, A.L. (2022), "The experience of reading the 'parafolklore' text from I.P. Sakharov's 'Tales of the Russian people'", *Studia Litterarum*, vol. 7, no. 3, pp. 298–321.

- Toporkov, A.L. (2023), "The mythical 'Belsky manuscript' – a hoax by I.P. Sakharov", in Zlydneva, N.V., ed., *Mistifikatsiya v slavyanskoi kul'ture: poetika i praktiki* [Hoax in Slavic culture: poetics and practices], Institut slavyanovedeniya RAN, Moscow, Russia, pp. 277–298.
- Zakrevskaya, E.A. (2024), "Stories about good and 'cultured' Germans in oral narratives about the occupation", in Belova, O.V., ed., *Kontsept granitsy v slavyanskoi i evreiskoi kul'turnoi traditsii* [The concept of border in Slavic and Jewish cultural traditions], Institut slavyanovedeniya RAN, Moscow, Russia, pp. 463–489. (*Kul'tura slavyan i kul'tura evreev: dialog, skhodstva, razlichiya*)

Информация об авторе

Светлана К. Мамонова, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия; 119991, Россия, Москва, Ленинские горы, д. 1; *smamonova10@yandex.ru*
ORCID ID: 0009-0000-9260-8846

Information about the author:

Svetlana K. Mamonova, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; 1, Leninskie Gory, Moscow, Russia, 119991; *smamonova10@yandex.ru*
ORCID ID: 0009-0000-9260-8846